

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

10.07.2015

№7 (52) Июль 2015 года

• Западный форпост

Веселый звон от рифмы, ритма, слов

К тому, что в Андреаполь собираются поэты на встречу под названием «Дух поэтического братства» уже привыкли. Но в этот раз была она несколько иной. Поэтам предложили почитать свои стихи на людном месте – танцевальной площадке, да ещё и в людный шумный праздник – День города.

Они решили попробовать. И кликнули на помощь друзей: поэтов из соседних районов, с недавних пор объединившихся в группу «Западный форпост».

Друзья отзывались с готовностью, отложив свои срочные дела (поверьте, они у них были), приехали к нам. И зазвучали под сводами старого андреапольского парка стихи на всякий вкус и лад. Конечно же, исходя из обстановки, старались читать соответствующее: громкое, трибунное.

По отзывам, «Поэтическая площадка» удалась. Много добрых слов уже слышим в свой адрес. И в адрес работников библиотеки. Вот такая статья, например, вышла о нашем празднике в Нелидовской районной газете:

«В конце июня в Андреаполе отмечали День города. В рамках этого праздника состоялась и встреча «Дух поэтического братства», которую организовали неисправимые жизнелюбы – андреапольские поэты. В ней опять же приняли участие и стихотворцы из Нелидова: Игорь Столяров, Пётр Бобунов, Раиса Земскова, Светлана Виноградова.

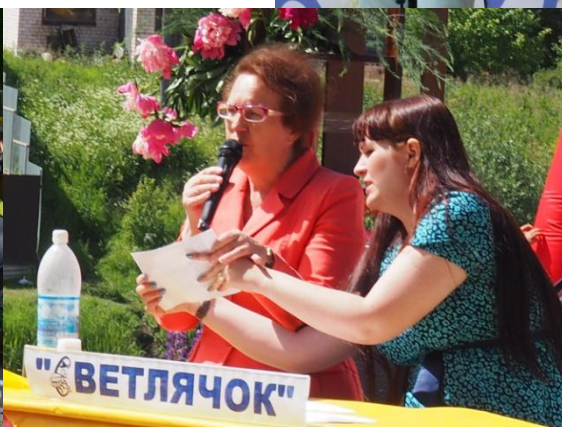
Проходило мероприятие в городском парке неподалёку от реки Западная Двина. Если перейти через мостик и подняться по песчаному косоугру, можно было попасть под сень раскидистых деревьев. Солнечный день, синее небо с белыми облаками, летний ветерок, дувший от реки... Всё это располагало к чтению стихов и общению представителей большого творческого цеха, так как кроме андреапольцев и нелидовцев, были здесь и представители из Торопца, Западной Двины, Белого.

Как известно, многие поэты подбирают к своим стихам музыку, поэтому исполнялись в этот день также песни под гитару.

Ну а в завершение всех пригласили на чаепитие в библиотеку, и потекла непринуждённая беседа вперемежку со стихами.

Стихи поэтов, прозвучавшие на поэтической встрече, будут опубликованы в следующем номере.

*Разъедемся, но в интернет-сетях
приветным светом – ваши огоньки,
и мысли, бескорыстны и тонки,
ажурной вязью лягут на листках.*

• Запомнилось

У ДЯДИ ВАНИ

Мы приехали на псковщину зимой. Кроме дяди Вани в деревне – никого, здесь только дачные домики вокруг озера Городно, которые заполняются по мере таяния снега, то есть с ранней весны до поздней осени.

До села километра три – по сугробам с километр и два по асфальту. Сидеть дома, тем более зимой, не высовывая носу, довольно скучно, поэтому мы навещали нашего деда по вечерам. Дядя Ванька очень обижался, если был пропущен хоть один вечер, особенно, если муж ходил один, когда мне нездоровилось. Мы неторопливо беседовали с ним о былом: о его детстве, даже, скорее, о юности; о нелегких военных годах; о его молодости; о работе. В общем, нам было интересно все, что он мог вспомнить о давно ушедших годах. Нам была интересна эпоха, в которой он жил, то время, тот быт, все то, что его окружало. Мы расспрашивали его обо всем. Было удивительно слушать, как они тогда тяжело работали, но при этом как умели весело и интересно проводить время, как справлялись с трудностями своего времени, какая интересная у них была жизнь тогда.

Каждый вечер был посвящен отдельной теме, которую мы заготовливали заранее. Конечно, заранее трудно угадать, как пойдет разговор, но мы задавали дяде Ване наводящие вопросы, а его ответы записывали на диктофон для истории. Дядя Ваня показывал нам фотографии, письма, документы – все это было подтверждением его слов и богатым материалом к размышлению. Мне особенно запомнилась фотография, где он снят молодым на летней деревенской улице. У него были тогда – году в 50-м прошлого века – удивительно привлекательное лицо и фигура эдакого былинного русского богатыря.

Помимо таких вечеров были и обычные, когда мы только пили чай с вареньем, разговаривали и обсуждали новости, прослушанные по радио. Телевизора ни у него, ни у нас не было.

Как только часы били шесть вечера, мы собирались и шли к нему, захватив чего-нибудь к чаю. Так как у Ивана (как мы его называли между собой) мы традиционно угощались вкусным райповским салом с розовыми прожилками мясца (выбранного любовно его крестницей, продавщицей Тамарой Ивановной) да еще офицерской тушенкой с луком и горчицей, то мы, в свою очередь, тоже решили брать с собой что-то особенное из еды. Такое решение было принято не только потому, что в гости с пустыми руками не ходят, но и хотелось «побаловать» его чем-нибудь вкусненьким.

Однажды он, хитро улыбаясь, дал муку и всё остальное, необходимое для выпечки блинов, и попросил их испечь тут же к чаю, а заодно он, мол, проверит – какая я хозяйка. Ну, прямо скажем, на тот момент хозяйкой я была так себе, но блинов мы всё-таки поели. Вот с тех пор и потчевали дядю Ваню то блинами, то оладушками, то домашними котлетами, то ещё кое-чем.

Иван Филиппович – крестный моего мужа, поэтому отношения у них простые, семейные. Муж очень жалеет дядю Ваню, тем более что уже более десяти лет прошло, как он похоронил жену – тётю Дусю, говорят очень весёлая, задорная была, частушки великолепно пела, да и просто являлась хорошей хозяйкой. Они с Иваном Филипповичем до самой её смерти душа в душу жили. По крайней мере, я так поняла по его рассказам о своей жене.

Речь у дяди Вани характерная, с деревенскими словечками, да и внешность тоже неординарная: ростом он высокий, плечистый, руки сильные, ладони огромные с пальцами как огурцы. В молодости ведь одно время кузнецом работал, так что та закалка чувствуется до сих пор. Волосы серые, густые – несмотря на то, что ему за восемьдесят перевалило. Но возраст всё же даёт о себе знать: ноги уже с трудом ходят, руки не так слушаются, как раньше, зрение подводит, да и слышит не очень хорошо, приходится громко говорить ему на ухо.

Несколько вечеров он учил меня вязать рыбацкие сети – старался передать один из многочисленных навыков выживания в сельской жизни, которым он научился за свою долгую жизнь и мастерски владел.

И сколько испытаний выпало на долю его поколения! Работал он с раннего утра в колхозе

(продолжение на стр. 3).

(начало на стр.2).

на тракторе до ночи, спал в дни посевной или уборочной страды по два-три часа. А ведь ещё своё хозяйство было. Долго держал коня, пахал огороды, возил дрова. А потом конь умер – дёрнул воз с дровами и упал. Сейчас кур держит, кошку, несколько ульев с пчёлами, огородом занимается. Сам заготовки делает, угощал нас ими. Предлагал нам завести хотя бы козу, улыбаясь, обещал научить меня содержать её и доить.

По хозяйству ему помогает дядя Женя из большого села рядом. У него есть конь, сани, в которых возит дядю Ваню в село за пенсией и покупками. Два раза в неделю привозит хлеб и молоко. Хлебные корочки дядя Ваня режет на мелкие квадратики и любит угощать ими своих «куропатов» – во дворе у него висит кормушка для птиц, куда слетаются сойки, вороны, синицы и прочие зимние птицы. Мы тоже сделали кормушку, но у нас почему-то птицы не хотели есть, у Ивана, видимо, было вкуснее.

Уже год прошёл с тех пор, как мы сидели за чаем по вечерам с дядей Ваней. Как там наш Иван? Жив ли ещё, вспоминает ли о нас?

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вначале февраля 2014 года мы получили печальную весть – 22 января умер дядя Ваня. Вечером лез на печку, где обычно спал, и упал внезапно с лесенки. Фельдшер предположил, что в тот момент его сердце остановилось.

И ведь за неделю до этого трагического события он мне и припомнился. И я сделала тогда набросок письменного воспоминания о нём. Видимо всё же есть какая-то неведомая связь с нашими близкими, друзьями. И до меня тогда дошёл последний привет от Ивана Филипповича.

И ещё: ощущение у меня такое, что вместе с ним ушла та, невероятно трудная эпоха, пережитая им и страной, но её дыхание, её уроки он успел, хоть отчасти, передать нам. Это очень важно... Это, наверное, та самая связь поколений, что необходима для выживания и народа и страны. И ведь кто знает: что ждёт нас завтра?

Крискентия Трофимова,
д. Голенищево

• Мысли вслух

ПОЧЕМУ ВЕРЯТ АСТРОЛОГАМ?

Наверное, потому, что человечество, как вид, страдает манией величия. Одна из форм проявления этой мании – антропоцентризм, убеждённость в том, что всё в этом мире вертится вокруг человечества. Кошки, наверное, тоже думают, что люди существуют для того, чтобы им (кошкам) было где и с кем жить. И астрология покоится на аксиоме, что течение жизни (судьба) каждого человека определяется расположением соответствующих звёзд и созвездий от момента его рождения до кончины. Удивительно, но в это верят как представители сильных мира сего, что объяснимо: «снесло крышу» от доставшегося по наследству или самостоятельно достигнутого, но и, что непостижимо, люди социального дна.

Вера эта с древнейших времён использовалась и используется отдельными ловкими людьми (например, Нострадамус, Павел Глоба и другие) для достижения материального достатка и повышения социального статуса.

При всём при этом следует помнить, что астрология предшественница астрономии.

Александр Мальчуков,
Андреаполь

• Дождливое

* * *

Накануне ветра
есть смятение в лицах.
Накануне утра
нам с тобой не спится.
Всё ещё спокойно,
нету и намёка,
что взорвутся ливнем
трубы водостока.
И сорвёт нам крыши.
Не дождавшись света,
ты эфир встревожишь
СМС-приветом.
Кинешься под ветер
скакуном без сбруи,
пусть за ворот льются
водяные струи.

**Маргарита Петрова,
Андреаполь**

SILENTIUM

Не могу ничего обещать,
Громких слов говорить не хочу.
Разреши мне чуть-чуть помолчать,
К твоему прислонившись плечу.
Прядь волос на лицо упадёт,
Её нежно смахнёшь ты рукой,
И по шее дыханье скользнёт,
Снова взглядом столкнёмся с тобой.

Я спокойна. И дождь за стеклом
Гармонизирует с сердцем моим,
Все слова пусть уйдут на потом.
Хорошо мне. Давай помолчим.

**Юлия Алексеева,
Андреаполь**

***

По лужам вспышками дождя
Кружки да клетки,
И больше влаги не хотят,
Пружинят ветки.
Мир вперекос и набекрень
Весь заштрихован,
Шум монотонный целый день,
Ничто не ново.
Свет серый, зыбкий, как вода,
Сочится всюду...
А Птолемей был прав! Да-да!
Земля-то – блюдо.

**Пётр Бобунов,
Нелидово**

* * *

Померкло, загремело, понесло,
грозя тузом, сверкая козырями,
и вдруг, прорвавшись, вздувшись пузырями,
к десяткам пик неспешно перешло.
А вдоль бордюров пенилось всерьёз,
засасывая шелуху в воронки.
Наохлившись, сердитые вороны
забор держали, мокрые насквозь.
Брели худые липы вдоль дороги,
оскальзываясь в мутную реку,
и стаи туч бродячих на бегу
у труб исправно задирали ноги.

**Владимир Юринов,
Андреаполь**

* * *

А на улице за окном
Ветер северный, да с дождем
Хлещет струями по стеклу,
Словно пулями бьет листву.
А на улице – ночь темна,
Ветром рваная тишина.
То ли елей стон,
то ли сосен всхлип,
Под дождинок звон
Хмур природы лик.

**Людмила Леоненкова,
Белый**

* * *

С утра, тревожа и будя,
Звенят от дали и до близи
Трезвучья майского дождя
О струны жизненных коллизий.

Благословенный вешний дождь!
Ты пеной легкости и неги
Смываешь в сладостную дрожь
Воспоминания о снеге.

Ты загулялся в вышине
И к нам протягиваешь руки,
В своей искрящейся волне
Смешав движения и звуки.

Тебя по нотам не прочесть,
Не просчитать по книге судеб.
В твоём размытом " все что есть"
До срока дремлет " все что будет".

**Игорь Столяров,
Нелидово**

• Молодые голоса

Артём Сидой**Кислородное голодание**

Это мой первый сборник стихов. В результате нехватки воздуха в мозгу человека возникает кислородное голодание, из-за которого в головах людей начинают возникать некие видения. Вообще каждая мысль человека – это уже образ, готовый переродиться в слово или рисунок. Примерно из таких образов и состоит эта книжка, фонетических и графических. Сборник включает в себя 33 стихотворения.

ПОЭТ

Поэт – всё тот же нищий,
Зажатый в тиски пониманья.
Он так же что-то ищет
Во всех уголках мироздания.
А что? Что он, что я – одно,
У вас в глазу мы все бельмо.
Бродяга роется в отбросах,
А я кричу в лицо вопросы.
В сравнении поймёте только
всю схожесть наших мастей.
Вы льёте помои в помойку
для мусора, дум и страстей.
Так ваши скорбные племена
Несут привычное им бремя:
кто не похож – распяты и сжечь!
Но и над вами виснет меч.
Ну что, трепещете ведь в муках
от телящиковой скуки
и ощущаете усталость?
Я поясню – так пахнет старость.
А я на зло пойду сейчас
в ночной могильно тихий час
и заору в сто сотен глас,
Что ненавижу всех из вас,
Что вы покойны поголовно,
в убогих квартирах-гробах,
Лежа на перине неровной,
Запутавшись в проводах.

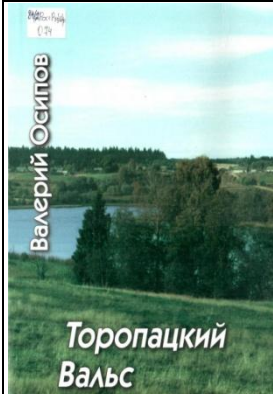
ЛЮБОВЬ

Любовь – это просто миф,
Раскрашенный яркими красками,
В крови эндорфинов прилив,
Амура прикрывшихся масками.
О, я не пойму вас поэты
начала двадцатого века!
Вы мысли владеете формой,

Но все вы попались на это –
на дивное пенье притворной,
Продажной, слащавой лисы.
И льются хвалебные оды,
Стихами марают листы
Поэты, кумиры народа,
Пред нею поджавши хвосты.
Любовь – это просто шлюха!
Не верь, говорящим «люблю»,
Так сладко шепчащим на ухо,
Что жизнь отдадут за твою.
Так плюй ей в лицо, срывая покров,
Накинутый шайкой крылатых богов,
Разрушь этот бред,
впусти в душу свет.
Любовь – героин. Наркотикам – нет.

* * *

Из ямы заспанного лета
всё лезет язва жары
на земли бывшего совдепа,
роняя пепел травы.
Это сейчас, а потом? что потом?
Слякоть и сопли природы.
Счастье осыпется октябрём,
вмёрзнув в сточные воды.
Вот так всегда, всегда, всегда –
всё в абсолют, всё в край, в упор.
Здесь хлебом, солью чужака
встречают, а своим в укор
всё тычут пальцем грязно куцым
на ветхость курток и домов,
Когда зимой снежинки вьются
на стройные ряды рабов.
И что в чести у человека?
Добро, ученье, красота?
Простите, я ошибся веком –
в сердцах здесь только пустота.
А ведь так хочется вспороть
реальности стихами брюхо
И рифмой скверной ржавый гвоздь
заколотить ей в руку. Глухо,
повсюду глухо и свербит
в носу от разложения вязи тел
всех тех, кто так и не сумел
свернуть с намеченных орбит.
Я той же следую тропой,
Закрыв глаза на их беспечность.
Но знайте и запомните, что мной
В стихах вещает вечность.

- **Новые книги**
Тиражом в 300 экземпляров вышла книжечка Валерия Осипова «Торопацкий вальс». Тихим, мирным, деревенским повеет на читателя с первых же её страниц: «над перелеском стая поздних журавлей», «снова осень разметала разноцветных листьев

рой», «в этом доме с русской печкой вижу каждое окно», «и тишина такая, что слышен гул пространства»... Какое стихотворение ни открой – хочется процитировать, так льнут к душе строки.

«Мы уверены, – пишет во вступительной статье глава Андреапольского района Н.Н. Баранник, – что каждый, в чьи руки придёт это издание, получит удовлетворение от общения с нашим самобытным поэтом-земляком». Это так. Правда в свободной продаже сборника нет, зато каждый желающий может взять её в библиотеках города и района, где её имеется в достатке.

«Мотовозик до Жукопы» – так назвали свой сборник избранной прозы авторы, печатавшиеся в литературно-краеведческой газете «Светлячок».

Публикации в этой газете и стали основой книги. Один из авторов, Владимир Юринов, в предисловии уверенно заявил, что «некоторые из представленных рассказов... приятно удивят даже самого искущённого читателя». Мотовозик мыслится здесь как символ, надёжное, хоть и простое, тягловое средство, пробивающее путь к свету, из глухих болот – на солнечную поляну.

Кроме рассказов, в книге представлены другие малые литературные формы: эссе, дневники, размышления. Читатель здесь увидит имена Э. Шимкевича, А. Демьяновой, Н. Ушаковой, М. Петровой, В. Маркова, В. Линкевича и другие, хорошо известные ему совсем в других сферах деятельности.

- **Нижегородцы**
В июньском номере мы поместили письмо Антона Лукина из села Дивеево Нижегородской области. Он прислал в наш «Светлячок» для публикации собственные рассказы и сказки и прозу своего покойного отца. Один из рассказов отца вы могли прочесть в том же июньском номере. А сегодня мы предлагаем вашему вниманию одну из сказок самого Антона.

Сказки на старинный лад

Антон Лукин

ЛЕЧАЩИЙ СЕРДЦА

Когда солнце поднималось из-за горизонта и красные лучи расплывались по небу, к пруду выходил пастушок с шестью овечками и одним барашком. Животные весело резвились на лугу, щипая травку и играя между собой, а пастух молча сидел у пруда и смотрел в воду. Это был юноша лет девятнадцати, с жёлтыми кудряшками на голове вроде солнца. Глаза голубые, будто небо, но полны такой печали и грусти, что в них даже было больно смотреть.

Он приходил с рассветом, а уходил с закатом. Где проводил он ночь, никто не знал, но каждое утро, как только солнце раскидывало свои лучи, он появлялся у пруда и печально смотрел в воду. Он сидел на берегу, поджав босые ноги под себя. Ветер играл с его мятой белой рубахой, а по щекам катились слезы. Парень смотрел то в небо, то чего-то искал в воде, целые сутки не сходя с места. Он много плакал. Иногда он доставал из-за пазухи дудку, и мелодия, терзающая сердца, выливалась на свет. Теперь уже все, кто проходил рядом и слышал, как он играет, просто не могли не зарыдать. Даже самого веселого человека, шута и клоуна, одолевала такая печаль и смертельная тоска, что тот плакал, как дитя. Но стоило пастуху перестать играть и убрать дудку за пазуху, как вся печаль проходила стороной. Часто народ сам приходил к пруду послушать паренька, ведь

(продолжение на стр. 7).

(начало на стр. 6).

мелодия терзала душу так, что всё тело ныло и сердце обливалось кровью. Люди, навидавшись и натерпевшись плохого, за какую-то минуту выплакивали из себя все обиды. После невыносимых и горьких рыданий всем становилось легче, словно заново рождались, забыв про всё плохое. И не зря в простонародье светловолосого музыканта стали называть «Лечащий сердца».

Легенда о юноше разлетелась по белу свету и дошла до царя. Тот не на шутку заинтересовался пареньком, что заставляет всех рыдать и при этом успокаивает сердце. Сам же царь никогда не плакал, и ему эта история показалась очень интересной. Пастушка вызвали во дворец. Собралась толпа народу: бояре, горничные, охрана, повара... и посреди стола, среди толпы прислуг, сидел царь с царевичем и царевной.

– Это правда, юноша, что своей мелодией ты заставляешь людей рыдать, забыв про всё? – спросил у паренька царь.

– Просто люди сопереживают вместе со мной, открывают мне своё сердце и прогоняют обиду, – вздохнул пастушок, и голубые, полные печали глаза уставились на царя.

– Ну, раз так, тогда сыграй для меня, потревожь мое сердце, – усмехнулся царь, и противная улыбка расплылась на его лице.

Все замолчали и стали смотреть на паренька. Пастушок достал из-за пазухи дудку и начал играть. Столько боли и печали выливалось с этой мелодией, цепляя каждого за душу. Рыдали все. Рыдала прислуга, охрана тоже рыдала, большие крепкие мужики в доспехах плакали как дети, палач, что стоял в углу, тоже вытирал слезы из-под маски. Даже молодой влюблённый царевич плакал с таким отчаяньем, что на него было больно смотреть. И царевна тихо плакала, оттого что ей было безумно одиноко в этих стенах, за пределы которых её не выпускали. Только не плакал один царь, до его сердца не смогли добраться. Он растерянно смотрел на толпу, не понимая, что с ними. Когда пастушок закончил играть и убрал дудку за пазуху, царь сурово посмотрел на него.

– И почему же только один я не заплакал?

– Понимаете, Ваше Величество, мелодия, она лишь помогает открыть сердце и вылить наружу всё, что тебе мешает жить. Все в этом зале присутствующие плакали, кто громко рыдал, а кто тихо вытирал слезы. У кого-то душа полна печали, у кого-то не очень. У вас же сердце не болит и ничто его не тревожит, и поэтому даже мне до него не добраться, – ответил царю пастушок.

Но тот обиделся и ужасно рассердился на сказанное. Он отобрал у паренька дудку и у всех на глазах сломал её.

– Чтобы больше я о тебе не слышал, – сердито приказал царь, – иначе голова с плеч.

Паренька отхлытали, побили и выпроводили из дворца.

И каждый день он сидел на берегу своего пруда, всё на том же месте и что-то вырезал из бамбука. А немного погодя народ снова услышал знакомую до боли мелодию и стал приходить к пруду, излечивать душу.

Об этом быстро узнал царь. Он приказал казнить паренька. И на закате прямо на пруду ему отрубили голову. Багряная кровь разбрызгалась по траве и по склону, стекала в прозрачную воду. Люди похоронили его под тополем, у пруда, где каждый день у могилы кружились шесть овечек и один барашек.

И по сей день люди слышат вдали тех мест тихую мелодию, что до сих пор ласкает всем душу, заставляя рыдать.

• Нам пишут

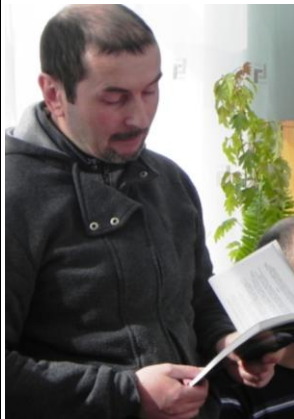
24 июня. Гуляли тут с Ронькой после дождя, нашли бабочку. Оказалось – тройдес или золотой птицекрыл. Живет в Южной Азии. Как он оказался в центре Москвы? Не знаю.

Поселил его в птичью клетку, жрет бананы и пьет воду. Размах клыльев –16 (шестнадцать!!!) сантиметров.

Попробую привезти его в Андреаполь. Линкевичу.

25 июня. Птах (так бабочку назвал) сегодня умер. Ничего не предвещало. С утра позавтракал бананом, попил водички, взгромоздился на жердочку, потом упал... и всё... Оказалось, они живут всего 10-12 дней!!! НО ЗАТО КАК КРАСИВО!!

Яков Миров, Москва

Иван Курничёв

Т Р О Й Ц Е В Е Н Н О Ц Т Ъ

Рассказ

Последняя доза была лишняя. Вернее, лишними были они все, когда-либо им принятые. Но он этого не понимал. Мучила ломка, и его терзало только одно желание – избавиться от этого невыносимого чувства, когда казалось, что болит не только тело, но даже волосы и ногти.

Постепенно сознание стало проясняться, и тогда внутрь ворвался страх. Что будет завтра? Где искать деньги на очередной кумар? Он уже давно не ловил кайфа. То время, когда после очередного децла мир становился розовым, а все люди братьями – давно прошло. Сейчас он жил для того, чтобы бороться с притаившимся внутри чудовищем, которое только и ждало момента, чтобы выползти из глубины и начать рвать живое мясо на части.

Самое смешное было то, что эта злобная тварь была им самим. Его телом, его сознанием. Может быть, когда-то это и был чужак, но теперь существо настолько срослось с ним, что слилось в единое целое с организмом, и прогнать мучителя стало невозможно. Конечно, удавалось временно загнать его внутрь и заставить спать, закрыв для твари свой мозг наркотическим дурманом. Но без дозы хотелось вырвать кричащие внутренности и бросить их себе под ноги, что и случилось несколько часов назад.

Последняя доза была не только лишняя, но и несколько велика. Он осознал это краешком сознания, но не испугался – слишком велика была боль и слишком долгим – ожидание. Он всегда смеялся над теми, кто говорил, что это поселившаяся в человеке тварь требует новой дозы. Нет, он хорошо знал, что чудовище здесь ни при чем. Доза была нужна ему самому для того, чтобы обуздать пришлое существо, которое в какой-то момент поселилось в нем, чтобы его мучить.

Как он устал от этого страха! Даже в забытии он ощущал его липкие холодные лапы и слышал ехидный шепот:

– Завтра... Придет завтра – и оно проснется. И тогда тебе будет больно...

Он уже почти привык к мукам, но существо было хитро. Когда он переставал замечать боль в одних частях тела, она вдруг перекатывалась тугой волной в другие – и пытка начиналась сначала.

– Зачем всё это? – наконец расслабившись, подумал он. – Пусть я умру, и тогда не будет ни страха, ни боли, ни долгих минут ожидания пробуждения существа.

Он стал молиться искренне, отчаянно, а потом уснул, тихо, как будто провалился в глубокую темную яму.

Откуда-то из черной глубины до него донесся негромкий, спокойный голос. И он верил ему, потому что нельзя было не поверить, так как слова были легкими и понятными, а главное – долгожданнами.

– Да, ты умрешь, но смерть – это не то, что тебе нужно. Ты умрешь, а завтра проснешься, и тогда твое желание исполнится.

Дальше ему ничего не снилось.

Проснулся он ночью и понял, что завтра еще не наступило. В окно светила тусклая половинка луны, а где-то в глубине длинного коридора – синяя лампочка дежурного освещения. Белая простыня, белые двери, белый потолок и темная боль. Захотелось вывернуться наизнанку, но тугие ремни прочно держали тело в одном положении. Даже поперек груди тянулась широкая полоса грязной простыни, концами привязанной к раме кровати. Он хотел закричать, но опять услышал уже знакомый, без каких-либо эмоций голос:

– Лежи и жди.

И тогда он запихнул свое отчаяние себе в глотку, чуть не захлебнувшись собственной рвотой.

Время остановилось, секунда стала минутой, а минута часом.

– Если его еще растянуть, то я буду мучиться вечность, даже если эта вечность другим покажется мигом, — удивился он неожиданно пришедшей мысли.

То, что эта мысль не его, он понял сразу — слишком четкой и ясной она была. Похоже, кто-то другой произнес ее вслух внутри его головы.

Рядом закричал человек, дико, надрывно. Через минуту скрипнула дверь, и послышались глухие удары в грудь.

– Как ты задолбал, дай поспать, урод! – Человек на кровати захрипел и затих. – Еще раз вякнешь – убью, нах.

Вернулась тишина, а через полгода снова раздался крик.

И опять кто-то бил лежачего, привязанного мученика.

– Сестра, вколи ты ему что-нибудь, заколебал!

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Мимо не спеша просеменил белый халат.

– Держи его, – мягко попросила женщина.

Он не мог приподняться и разглядеть, что там происходит, но криков не было слышно до утра. Их и потом не было слышно, когда наступили и следующая ночь, и следующее утро.

– Терпи, – шептал ему голос, и он терпел, потому что верил его словам, и поэтому молчал, засунув свою гордость в то место, куда никогда не проникал свет.

Медленно серело небо, захлопали двери, засуетились люди. Кто-то кипятил в банках воду самодельными кипятивильниками, сделанными из двух лезвий, кто-то стоял у окна и смотрел в наступающий, зарешеченный день.

Ему сунули утку.

– Очнулся? Давай.

– А самому?

– Нельзя пока.

Потом пришел какой-то парень в драном халате и, улыбнувшись, присел на краешек кровати.

– Кормить тебя буду, ешь.

И он ел кашу с заботливо подносимой ложечки, потому что знал, что есть надо. А потом опять лежал и терпел. И существо сдалось, оно злилось, ворочалось, но уже не имело власти над его телом. Оно не желало уходить, но чувствовалось, что места ему мало, кто-то теснил его, выдавливая наружу. А потом тварь сжалась в комок и спряталась, чтобы не исчезнуть навсегда, а он не умер.

«Завтра, – подумал он, – что такое завтра для тех, кто не знает, что такое время? Или это не я подумал?» – мелькнула новая мысль.

Так он и ждал, принимая под себя утку, а в себя теплую кашу и сладкий чай.

– Этот – спокойный, – сказала серьезная женщина.

– Буянить не будешь? – спросила, улыбнувшись другая.

– Не буду, – хмуро кивнул он, стараясь не спугнуть свое счастье.

– Тогда мы тебя сейчас «расфиксируем».

Подошли обладатели синих халатов и дерматиновых тапочек. Долго возились под кроватью и, наконец, он смог вздохнуть полной грудью.

– В туалет хочешь?

– Да, – кивнул он.

Его осторожно подняли и, бережно поддерживая с двух сторон, повели в глубину коридора, куда-то за поворот.

«Счастье – это когда ты сам идешь в туалет, – решил он. – И вообще, даже когда просто идешь сам, пусть недалеко, но по своему желанию».

А потом, держась за стену, он шел в своё новое жилище – не коридор, а палату с дверью, где можно было пусть и недолго, но побыть одному. И это тоже казалось счастьем. Да, он узнал, каким иногда бывает счастье. Он прижился, потому что выжил и не «съехал». Его поселили в палату в конце коридора. Там обитала местная «крутизна», а вернее – «выздоровливающие». У всех у них были ключи от входных дверей, потому что веселые ребята из палаты под номером 9 имели привилегию иногда выходить на «свободу», курить во время тихого часа и смотреть телевизор после отбоя.

Это тоже было счастьем, как и, беспрепятственно развалившись на кровати, читать книгу или открывать пакет с нехитрой передачей.

Через два дня он сделал себе ключ из украденной в столовой ложки, а еще через пару – научился варить чифирь. Вечерами он стоял у окна и смотрел на дальние огни города и на их отражение в темной воде реки.

– Здесь хорошо, – рассуждал кто-то в его голове. – Ни о чем думать не надо, тихо, спокойно, а там...

– Да, что там? – завел он мысленный диалог.

– Нужно работать, суетиться, вести разговоры ни о чем с нужными людьми, теша их и свое тщеславие. Зачем? Давай останемся здесь.

Здесь нельзя быть вечно, в конце концов придется уйти.

Уйти он решил загорелым, поэтому валялся целыми днями на берегу реки и загорал. Когда надоедало лежать – купался. Когда уставал от того и другого – шел спать в палату. Изредка на прогулку выводили женщин. Стриженные наголо, бесформенные, в мятых платках и халатах, они пугливо жались друг к дружке и озирались по сторонам. Женщины жили в другом крыле здания, этажом ниже. Нечасто открывалась туда дверь, а когда открывалась, он закрывал глаза, чтобы не видеть...

(продолжение на стр. 10).

(начало на стр. 8-9).

Иногда он сидел возле приемной, если не прогоняли. Здесь был мягкий диван и довольно прохладно, а еще сюда приходили люди. На них было интересно смотреть, все-таки они появлялись оттуда – из другого мира, сейчас недоступного и немного страшного.

* * *

– А врач скоро придет? спросила как-то старушка-мать, приведшая своего сына.

– Скоро, – кивнул он.

– Как здесь? – живо поинтересовалась она. – Вот уговорила полечиться, – она ласково погладила по коленке уже взрослого человека.

Сын, средних лет мужчина, крепкий, жилистый, смущенно улыбался и молчал. Чувствовалось в нем скрытое напряжение, будто была сжата у него внутри мощная пружина, готовая распрямиться в любой миг.

– Нормально.

– А лечат как? – засуетилась женщина.

– Не нужно ему здесь быть, – взглянув на мужчину, вдруг сказал он и удивился своим словам.

– Почему? – недоуменно взглянула на него мать.

– Привяжут сначала, – он помолчал. – Начнет рыпаться – вхреначат чего-нибудь. Будет дня три спать. А проснется ли – неизвестно.

– Пойдем отсюда, – встрепенулся сын.

– Ты же слово дал – умоляюще посмотрела на него мать.

– Просвещаешь? – рассмеялась прибежавшая улыбчивая врачиха. – Опытный... Иди загорай лучше.

Он опять загорал и думал.

– Кто шептал мне тогда, ночью? – мелькнула мысль

– Я.

– Я?

– Нет, я.

– А кто ты?

– Теперь ты. Вернее, часть тебя – вместо той, которая умерла.

– Так я умер?

– Ты же просил. Я то, что появилось в тебе тогда.

– Бес?

– Называй, как хочешь. Бес, дух, душа. Слова лишь звук.

– Раздвоение личности?

– Наоборот, обретение её. Мы с тобой – одно целое, теперь нас не разъединить.

Жилистый умер ровно через неделю, напичканный аминазином по самое некуда. Умер после двух дней битвы с ремнями, и пяти – почти беспробудного сна. Он открыл глаза только перед самым своим концом, чтобы осмотреться на минутку или, быть может, проститься. Высохшего, его тихо снесли в грязной простыне вниз, к машине из морга.

Сильные, они бились за свою свободу, истирая запястья в кровь, кричали до хрипоты, сначала ругаясь, а потом моля о свободе. Пытались вывернуться змеей, чтобы перегрызть связывающие их путы. Хитрые, они просили сигарету, а потом, изогнувшись, притворяясь, будто дымят в сторону, тайком жгли ремни, не понимая, что бежать им некуда.

Они пришли сюда, чтобы освободиться от мучающих их существ, чтобы обрести свободу, а вместо этого ее отнимали у них полностью. Даже в тюремной камере люди чуть-чуть свободны. Там можно двигаться, а ведь это счастье – двигаться самостоятельно...

А потом они все спали, потому что, возможно, не слышали голоса, шептавшего им: «Не кричи», как не слышали потом голосов склонившихся над ними санитарок: «Если завтра не проснется — не жилец».

Изредка им ставили капельницы, заменявшие еду, изредка их развязывали и меняли простыни, но, похоже, им теперь было уже все равно...

– Это дерево, ты не видишь его.

– Вижу.

– Ты видишь кору ствола и листья. А самое главное скрыто в земле, там корни.

– Ну и?

– Ты видишь лишь половину этого мира, а поступаешь так, как будто знаешь о нем всё.

– Обойдется.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр.8-10).

Он потихоньку собирал деньги на дозу, потому что существо больше не показывалось, а что такое кайф, он помнил. Кайф – это радость, а здесь, в этих стенах, радости не было, она не заглядывала сюда давно, и он соскучился по ней. Он еще не знал, что существо терпеливо лежит в засаде, прикинувшись мертвым.

– До свидания, – сказала усталая санитарка. Ее сын спал в коридоре уже третий день.

– А надо?

– Все вы возвращаетесь.

Существо отыгралось по полной. Оно сразу завладело всем телом и без церемоний приступило к своему любимому занятию.

– Господи, – скрючившись на пыльном полу, шептал он. – Зачем я еще здесь? За что эти муки?

– Ты здесь, чтобы познать мир

– Его нельзя познать, он слишком велик. Вселенная бесконечна.

– Дурак, неизвестное познают чувствами. Всё познают чувствами.

– Чтоб я сдох.

– Тогда ты придешь снова, и опять будешь мучиться. Никто не имеет права помочь тебе. Таков закон.

– Я должен убить эту тварь сам?

– Да, и не только эту. Тогда ты станешь свободным.

Год, два, три – тикали часы. На дрожащих ногах он подошел к зеркалу. Оттуда смотрел изможденный незнакомец – небритый человек со впалыми щеками и бледными тонкими губами.

– Я ее победил?

– Нет, ты и она теперь одно целое.

– Как с тобой.

– Да.

Теплый ветер терзал серую пыль, не давая ей покоя.

– Я искала тебя, ты был прав, ты был прав! – кричала позади старушка. – Я не послушала тебя, и сын умер! Ты был прав...

Он прибавил шаг. Еще долго где-то позади слышались причитания...

– Достала.

– Она хотела сочувствия, ведь теперь мать будет винить себя, пока не умрет и даже после...

– А что я ей сказал бы?

– Обнял бы – и всё. У нее никого не осталось, она жила последние дни только ради того, чтобы сказать тебе эти слова.

– Я ее не знаю.

– Да, люди не хотят знать друг друга и поэтому не понимают.

– Почему?

– Интересы разные. Вот что бы ты сказал этому дереву?

– Привет.

– А еще?

– О чем мне с ним говорить?

– А знал бы, что сказать, мог бы и поговорить.

– С деревом?

– Трудно с ними говорить, слишком разные мы. Наше время течет по-другому.

– Только психи с деревьями говорят.

– Психи – те, кто в это не верит. Вообще, все люди психи, не понимаю их.

За закопченными стеклами машин мимо ехали люди. Купив дорогие автомобили, они спрятались внутри и думали, что окружающие, видя блеск новой краски, завидуют им, поражаются их богатству и могуществу. Но спешащим по своим делам пешеходам не было никакого дела до укрывшихся в жестяных коробках. В этом мире никто никому не был нужен, если интересы живущих не пересекались. Все суетились сами по себе. Он поражался их безумию – желанию быть заметными, и в то же время – сторониться себе подобных.

Из-за ствола стриженного тополя навстречу кто-то шагнул.

– Здорово.

– Привет, – он пожал протянутую руку, пытаясь узнать человека.

– Ё... – чуть не вырвалось у него. – Неужели это он?

«Как может так состариться человек всего за полгода? Даже меньше ростом стал этот известный

(продолжение на стр. 12).

(начало на стр. 8-11).

городской художник. Бывший»... – подумал он, взглянув на его трясущиеся руки.

– Дай столярник.

– Сейчас посмотрю...

Он не стал расспрашивать приятеля о делах – и так было ясно, что дела того уже закончились.

Они уходили постепенно, один за другим. Сначала расставаясь с работой, потом с семьей, а затем с вещами и квартирой. Иногда кто-то умудрялся еще недолго побомжевать. Потом приходил не вызывающий никаких эмоций слух об их смерти. А что горевать? Они знали, что рано или поздно закончат этим.

А у него теперь имелся целый мир, который нужно было почувствовать. Триединый, он просыпался ночью от холодного взгляда. Не смея мучить его изнутри, существо выходило и становилось где-нибудь в темном углу, пугая его. Он боялся, ненавидел и любил эту тварь одновременно – ведь она была им самим.

А утром, шагая навстречу дню, он знал, что следом, невидимые, идут две тени – та, что когда-то была им, и та, что когда-то им не была.

- **Непридуманные истории**

Вещный сон

Мария Ивановна с раннего детства любила природу. Ее мама, Василиса, была травницей. Лечила людей от различных хворей растениями. Лес и луга она называла кладовой здоровья. Возможно, и дочери она привила эту любовь к флоре и фауне. Не случайно Мария стала учителем химии и биологии.

Шли годы, давно ушла в мир иной Василиса. А Мария с каждым годом все больше и больше любила лес. Она знала в округе все ягодные и грибные места. Умела разговаривать с растениями, в беседе с ними находила утешение от всех жизненных невзгод.

Но к старости ее увлечение все больше и больше тревожило дочь. Мария Ивановна стала блудить в лесу. Она могла несколько суток проводить на лоне природы, не в силах найти дорогу домой. Но потом все же выходила к людям. Стала заговариваться, давно умерших людей считала живыми. Как только не отговаривала ее Инесса от таких походов! Какие только доводы не приводила в пример! Но мать отвечала: «Со мной собака!».

Не случайно говорят, как веревочка не вейся – конечек будет. В один из сентябрьских дней Мария Ивановна ушла в лес и не вернулась. Дочь каждый день плача бродила по лесу, в надежде найти мать, но ее поиски оказались безуспешными. Она потеряла покой, тревога день ото дня нарастала в ее душе все больше и больше. Но вот однажды, когда она совсем отчаялась, увидела сон. Пришла к ней мать.

– Где ты бродишь? – в сердцах воскликнула дочь. – Я уже, сколько времени тебя ищу и все бесполезно. Ты хоть бы обо мне подумала. Я и без того больной человек, занемогла еще больше.

Утром Инесса пересказала свой сон подругам и уехала по делам в райцентр. Когда возвратилась домой, ей тут же сообщили, что её сон оказался вещим. Марию Ивановну обнаружил в лесу заезжий охотник. Её всё искусанное собакой тело лежало на сопке, рядом стояло ведро, в котором было немного клюквы. Собака, находясь рядом с покойницей, совсем озверела. Когда за телом пришли люди, она бросалась на них. Собаку пришлось пристрелить.

Похоронили Марию Ивановну на местном кладбище. Директор школы, выступая на похоронах, отметила, что эта женщина очень любила лес и школу. Этим жила.

Галина Ермолаева
Андреаполь

Владимир Юринов**На картах не значит***Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта*

Читателю доводилось когда-нибудь видеть хлопковое масло? Да-да, то самое, из которого обычно варят мыло. А встречать его в продовольственном магазине? А жарить на нём картошку? Пробовать не стоит, лучше поверьте на слово. Запах – как от портянок недельной свежести. Вкус – примерно такой же. Впрочем, точно не знаю – портянки жевать не пробовал.

Ну что, идём дальше? Дальше – отдел «Бакалея. Хлеб». Так, посмотрим, что тут.

Ну что ж, хлеб есть. Есть хлеб, есть сухари, сушки. Есть печенье «Юбилейное» россыпью и печенье в пачках «Привет». Из бакалеи – чай «грузинский № 36», молотый кофе, какао «Золотой ярлык» и ячменный напиток «Бодрость». Есть конфеты: слипшиеся в один громадный комок «подушечки» с повидлом и карамель «Дюшес». Сахар, соль. Тут же макароны и вермишель в картонных коробках и крупы: ячневая, пшённая, манка, рис. Гречка? Какая такая гречка? Что это такое вообще – гречка? Опомнитесь, уважаемый! То, что гречка вообще растёт в нашей стране, мы в ту пору узнавали только из статистических отчётов, публикуемых в центральной прессе по окончании очередного ударного года очередной пятилетки. В отчётах этих неизменно говорилось, что гречки в прошедшем году вновь было собрано значительно больше, чем в предыдущем, и урожай её составил столько-то сотен тысяч тонн. Куда потом девались эти сотни тысяч тонн, для нас, простых советских граждан, всегда оставалось большой загадкой.

Возле кассы небольшой отдел спиртных напитков. В свободной продаже только коньяк, правда четырёх или пяти видов; вино и водка – по талонам. Здесь же – сигареты: шестнадцатикопеечные «Прима» и «Дымок», легендарный «Беломор», тридцатикопеечные болгарские «Опал» и «Ту-134» (они же – «Смерть на взлёте») и дорогущий семидесятикопеечный «Космос». К сигаретам – спички.

Вот, собственно, и всё. Экскурсия закончилась. Богато? Жить можно? Ну, наверное, как-то можно. Но хочется, собственно, мясца. Курочки там какой-нибудь хочется. Или свининки. Пусть даже и на косточке. Маслица хочется ещё, и подсолнечного, и сливочного. Опять же, сметанки хочется, молочка. Яиц куриных. Много чего хочется. А нету!

Молоко привозили в Орловку три раза в неделю. К моменту привоза (а было это в районе одиннадцати часов) в магазине яблоку негде было упасть. Покупатели (разумеется, большей частью – женщины) толпились в тесном помещении, норовя занять стратегически важную позицию – вблизи двери в подсобное помещение. Попавшему в этот момент в магазин случайному посетителю могло бы показаться, что он очутился на светском рауте, организованном каким-нибудь клубом феминисток: стоящие кучками, или неторопливо перемещающиеся, мило беседующие женщины, – только почему-то все тепло одетые и с авоськами в руках. Но вот распахивалась заветная дверь, и на пороге, с ящиком молочных бутылок наперевес, появлялась продавщица. И тут же всё мгновенно менялось: любезные улыбки исчезали с губ, на лицах проступала отчаянная решимость, в глазах вспыхивал охотничий азарт, в магазине возникало всеобщее движение, закручивались людские водовороты, мгновенно вспыхивали и тут же гасли быстрые словесные перепалки, слышалось: «Маша! На меня возьми!..» и: «Зина! Я в кассу – за тобой!..», и первый ящик – уже пустой – со стуком опускался на пол. Продавщица уходила в подсобку и тут же появлялась со вторым ящиком. Всё повторялось: возня, толкотня, крики – глухой металлический стук. Третий ящик... пятый... седьмой...

Обычно в магазин завозили десять ящиков. Это – сто шестьдесят пол-литровых бутылок. Два-три ящика оставались в подсобке – «для своих». Остальное попадало в торговый зал. Взять можно было бутылок сколько угодно. Точнее, – сколько успеешь. С учётом того, что у тебя была только одна попытка и всего лишь две руки. Поэтому взять из ящика одновременно шесть бутылок – по три каждой рукой – было для орловских женщин делом обычным. То, что это – задача очень даже непростая, может убедиться каждый непредвзятый настроенный гражданин. Можешь убедиться в этом и ты, мой читатель. Зайди в любой нынешний супермаркет и попробуй взять одной рукой из картонной коробки, разбитой на ячейки, три бутылки вина или пива. Получилось? Очень хорошо! А теперь представь, что ящик не картонный, а металлический, проволочный, и расстояния между бутылками гораздо больше. А теперь я дополнительно сообщу, что диаметр горлышек молочных бутылок в два раза больше, чем у бутылок пивных.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

Ну, что? Ты теперь понял всю сложность этого упражнения? Я, во всяком случае, за шесть лет пребывания в Орловке постигнуть тайну этого приёма так и не смог. Впрочем, мне и тренироваться приходилось нечасто.

Ещё сложнее было в Орловке с мясом. Мясо привозили раза два в месяц, и очередь за ним надо было занимать с вечера. И в эту очередь ещё надо было попасть! Обычно она формировалась по расходящемуся от продавщицы мясного отдела радиусу и ограничивалась десятью-двенадцатью её подругами и подругами этих подруг. Сверх указанного количества записываться в список было, конечно, можно, но бессмысленно, поскольку мяса привозилось немного, и не попавшим в первый десяток, в лучшем случае, доставались одни обрезки и кости.

Счастливики, сумевшие записаться в заветный список, начинали дежурить накануне, сразу же после закрытия магазина. Справа от входа в магазин в землю была вкопана обрезанная металлическая бочка. В ней жгли костёр. Дежурили парами, по часу. Таким образом, на каждого «списочника» приходилось по два часовых дежурства. Дрова для костра дежурящие приносили с собой. Разумеется, основными дежурящими были жёны. То есть картина, когда зимой, в сорокаградусный мороз, в три часа ночи, возле магазина, у костра, разведённого в обрезанной бочке, греются две женщины, ни у кого в Орловке не вызывала удивления. Грелись у того же костра время от времени и мужчины – мужья счастливых «списочниц». Но гораздо реже. Летали мы в то время практически ежедневно и были по рукам и по ногам связаны жёстким предполётным режимом.

За два года жизни в Орловке моя жена умудрилась один единственный раз попасть в заветный «мясной» список и, дважды за ночь сбежав на дежурство, притащила на следующий день домой кровавую добычу – три килограмма заветренной говядины, из которых не менее килограмма составляли жилы и кости (была она в том списке то ли восьмой, то ли девятой)...

Ну что, уважаемый читатель, настала пора нам с тобой посетить и овощной магазин.

Здесь картина ещё более безрадостная. Те же банки с маринованными огурцами и помидорами, что и в гастрономе. Тот же набор соков. Неизменная морская капуста. Полугнилая свекла и морковка в металлических сетчатых контейнерах. Всё.

Картошку привозили в магазин два-три раза за осень, капусту – один раз. Их разбирали мешками и уносили домой: картошку засыпали в ящики, что почти у всех стояли в прихожих; капусту тут же засаливали десятками литров.

Изредка в магазин завозили какую-нибудь экзотику. Будучи холостяком, я, естественно, возможности купить что-нибудь дефицитное не имел, поскольку мог попасть в магазин только после работы, когда о дефиците в нём напоминали лишь забытые ценники на кассе да гора сваленной в углу пустой картонной или деревянной тары с яркими импортными наклейками. Поэтому все воспоминания об экзотических «ништяхах» у меня приходятся на те два года, когда я жил в Орловке с женой. Воспоминаний этих немного, а именно целых три.

Однажды в наш магазин завезли бананы. Бананы! Не надо морщить нос, мой юный читатель. Это сейчас бананы можно купить на каждом углу, и по цене этот тропический плод, привозимый в нашу северную страну за тысячи километров, дешевле наших доморощенных яблок. А тогда банан стоил очень дорого и был самой настоящей экзотикой. Его даже в разряд дефицитных продуктов зачислить было нельзя. Ибо дефицитные продукты – это, в общем-то, всем известные продукты, которые просто трудно достать. А что касается бананов, то многие тогда, особенно в провинции, даже не подозревали, что ТАКОЕ можно купить и съесть. Во всяком случае, на момент описываемых здесь событий моя жена не пробовала бананы ни разу в жизни. Более того, она их даже ни разу не видела. Разве что – нарисованными в книжке. Или – в мультфильме про доктора Айболита на реке Лимпопо. Так что, узнав о привезённых в гарнизон бананах, жена сразу же схватила деньги и с бьющимся от волнения сердцем кинулась в магазин. Как она ни торопилась, но очередь ей удалось занять уже только на улице, то есть в четвёртом или в пятом десятке.

Поначалу жена думала купить немного – килограмма два-три. Всё-таки дорого – два пятьдесят килограмм, дороже колбасы. Но по мере стояния в очереди аппетита её постепенно росли. Тому немало способствовал царящий вокруг ажиотаж. Бананов привезли много, ограничений на продажу в одни руки не делали, и народ хватал столько, сколько мог унести. Глядя на счастливых, прущих из магазина на горбу целые коробки добытого тропического деликатеса, жена поневоле заражалась их азартом. Наконец дошла очередь и до неё. «На все!..» – решительно сказала жена и выложила на прилавок все имеющиеся у неё деньги. Хватило на двенадцать килограмм. С трудом дотащив добычу домой, жена решила тут же попробовать невиданной экзотики, за которой она мужественно отстояла трёхчасовую очередь. Жену слегка смутил ядовито-зелёный цвет тропического плода. По книгам она помнила, что бананы вроде бы должны быть жёлтыми. Но кто его знает. Одно дело книги и мультики, а другое – вот оно, лежит грудой на столе и просится в рот. Жена расчистила один банан и, зажмурившись от предвкушения, откусила от него, сколько смогла...

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 13-14).

Плевалась она долго. Потом долго плакала. Потом думала – как скрыть от мужа «следы преступления». Поначалу она решила потихоньку переносить все бананы на помойку, но в конце концов решила этого не делать – в бананы были вброшены все оставшиеся в семье деньги, и скрыть этот факт от мужа она никак не могла. И жена решила: будь что будет...

Я приехал с полётов вечером и сразу же понял, что что-то случилось – супруга встретила меня с круглыми испуганными глазами и припухшим от слёз лицом.

– Что?!.. – предчувствуя нехорошее и ощущая от этого противную слабость в ногах, спросил я.

– Я... я бананы купила, – тихо ответила жена и виновато потупилась.

– Ну?!.. – нетерпеливо допрашивал я. – Ну, купила, и что?!

– А они... – из глаз жены вновь побежали быстрые слёзы. – А они... невку-у-усные-е-е!.. – заревела в голос супруга.

Я кинулся на кухню... и увидел целую гору бананов.

– Ура! – заорал я. – Бананы!

Всхлипывающе-икающая жена возникла за моим плечом.

– Так ведь они ж... ик... зелёные!

– Ну и что! Глупая! Что ж ты плачешь?! Это ж – бананы! Это – целая гора бананов! Ты – такая молодец! Как ты дотащила-то столько?!..

Не удивляйся, мой добрый читатель. Я на тот момент был уже опытным человеком советской закалки и знал, как надо обходиться с различной незрелой экзотикой.

Весь вечер мы с женой развешивали по квартире грозди бананов. Мы подвешивали их на книжные и кухонные полки, на протянутые от двери до шкафа и от шкафа до окна верёвки, на гардинные карнизы и даже на люстру. В итоге наша квартира приобрела вполне себе тропический вид. Одна из стен в нашей комнате была заклеена фотообоями с каким-то пальмово-пляжным пейзажем, и висящие грозди бананов замечательно вписались в этот антураж. Как-то по-новому – почти уже по-домашнему – слушалось в этой обстановке и старое доброе «Радио Гонолулу». Дело было сделано. Теперь оставалось лишь терпеливо ждать.

Через неделю мы съели первый, ещё чуть незрелый, банан. Ещё через неделю созрела первая гроздь. А потом бананы начали созревать лавинообразно.

Наша квартира наполнилась восхитительным, ни с чем не сравнимым, совершенно южным сладким ароматом. Мы срывали бананы по одному и парами, и целыми гроздьями и ели, и ели, и ели...

Недавно на даче, на чердаке, я наткнулся на сложенные в углу те самые, орловские, книжные полки. На их боковинах ещё кое-где сохранились остатки чёрной суровой нитки, на которую мы с женой в том памятном году подвешивали зелёные банановые грозди. Ах, слёзы памяти! Нету вас слаще!..

В другой раз, помнится, в Орловку завезли грейпфруты.

Жена, уже имея богатый банановый опыт, набрала их тоже от души – больше десяти килограмм. Её ничуть не смутил тот факт, что привезённые грейпфруты были зелёными, как огурцы.

Грейпфруты, к сожалению, не могут доспевать так же, как бананы. Но способ употребления этих незрелых цитрусовых мы тоже нашли.

Неочищенный грейпфрут разрезается по экватору, и срезы обеих половинок обильно присыпаются сахарным песком. Полученный натюрморт оставляется на ночь (на несколько часов), – за это время сахарный сироп успеет пропитать мякоть грейпфрута. Потом берётся чайная ложечка, и мякоть выедается прямо из кожуры, как из миски. Не знаю, как по нынешним привередливым временам, но тогда – под общую фруктовую голодуху, помноженную на всегдашний орловский авитаминоз, – получившееся блюдо пошло на ура!

А перед Новым 1990 Годом в Орловку привезли мандарины.

Мандарин завезли не очень много, и было сразу же объявлено, что давать их будут не больше, чем по два килограмма в одни руки. Тем не менее всё равно оставалась угроза того, что на всех не хватит, и поэтому жена отправилась занимать очередь в пять утра. Терпеливо простояв четыре часа на морозе, она после открытия овощного в первой двадцатке попала в магазин.

В магазине пахло мандаринами! В одном из углов высился штабель фанерных ящиков с заветным логотипом: «MAROC». Рот сразу же наполнился слюной.

К прилавку выстроилась извилистая очередь. Народ, оживлённо переговариваясь, принялся считать деньги и расправлять авоськи. С треском вскрыли первый ящик.

Но тут в магазине появился замполит полка. Подойдя к заведующей, он что-то сказал ей на ухо и отдал ей какие-то списки. Потом повернулся к очереди. Очередь, предчувствуя нехорошее, притихла.

– Внимание!.. – сказал замполит. – Внимание!.. Командование гарнизона приняло решение. Ввиду того, что мандарин привезено мало, отпускать мандарины будут только тем, у кого есть дети. По одному килограмму на каждого ребёнка. Списки – у продавца. Всем остальным – по остаточному принципу.

В магазине сразу же поднялся многоголосый гвалт. Бездетные кричали от негодования, имеющие детей – с одобрением...

(продолжение следует).

• Улыбнись

*Игорь Столяров,
Нелидово*

даль тиха за душой ни стиха
ночь свернулась змеей в подъезде
лишь на пятом хи-хи да ха-ха
загулялись опять соседи
время льет отвечая на тост
по стеклу вековую морось
словно ловит свой призрачный хвост
приснослякотный уроборос

а вокруг впереди позади
беспробудная полночь века
сколь за стекла сычом ни гляди
там дожди фонари аптека

и предсказано все будет так
что у Бога ни попроси я
все как исстари дрема кабак
полночь свет тишина стихия

*Пётр Бобунов,
Нелидово*

У ДОРОГИ

После долгого затора
С места тронулся поток,
А в потоке – та, к которой...
Мимо рулит на авто.

Взгляд её сосредоточен
На неровностях пути,
Тут, пардон, не до обочин,
стой хоть с лампой Алладин!

Колыхалась каравелла
В море выбоин и ям,
Каравелла с королевой,
То есть, с той, которой я
Не замечен, не привлечен
Ни навстречу, ни вослед...

Ничего, ещё не вечер,
Вот возьму велосипед!!!

*Владимир Юринов,
Андреаполь*

ОДА ПРУДУ

Наш Пруд – древней, чем календарь,
славней, чем саги нибелунгов,
известен он дорожкой лунной
и тем, что в нём живёт Пескарь.
Скроённый просто, без лекал,
чуть грязноватый, но прекрасный,

наш Пруд, поросший милой ряской,
лежит, незыблемый в веках.
Там – в глубине стоячих вод,
где вечер догоняет утро,
живёт Пескарь в молчанье мудром,
живёт и водоросль жуёт.
Средь раков, окуней и щук,
сетей, коряжин и промоин
философически спокоен
его эпический прищур.
Кружит времён водоворот,
вздымая ил, круша и руша,
а наш Пескарь – такая душка! –
лишь молча водоросль жуёт.
Отвратных рыбин хищный клан,
не чтя закон, гнушаясь правил,
Прудом владея, нагло правит,
творя чудовищный обман.
Сжирают вместе с чешуёй,
без «до свиданья» и «спасибо»,
на что Пескарь молчит как рыба
и молча водоросль жуёт.
Да будь Пескарь в Пруду один –
оно б тогда, оно б конечно –
лишь посочувствуешь сердешно,
но ведь в Пруду их – пруд пруди!
Увы, не слышен дружный хор
из ила – лишь жеванья звуки.
Там наш Пескарь – такая сука! –
молчит и жрёт свой скудный корм.

*Маргарита Петрова,
Андреаполь*

* * *

Голос тембра пожилого,
С яркой искоркой глаза.
Бабушка, вы право слово,
Как в той басне стрекоза.

Зимушка давно в разгаре,
Вы смотрели в календарь?
Ну, конечно, вас не старит
Молодёжный ваш словарь.

Вы в своё трудились лето,
Как крыловский муравей.
Песни ваши кем-то спеты
В годы ваших трудодней.

Не пора ль угомониться,
Умикстуриться пора.
Не журавушкой, синицей,
Юркой и весёлой птицей
Всё щебечете с утра...